

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Асташкина Надежда Николаевна (Москва, Россия)

Рыжкина Елена Викторовна (Москва, Россия)

Аннотация: В данной работе рассматривается явление интертекстуальности, которое обуславливает повышенную информационную насыщенность современной политической статьи и создает особую трудность при переводе. Цель исследования – показать, как перевод, не учитывающий интертекстуальные свойства языковых средств исходного текста, снижает его эмоциональную яркость и выхолащивает его. В качестве объекта исследования были проанализированы оригинальные статьи из журнала «Economist» за 2017 год и варианты их перевода на русский язык, опубликованные на сайте inosmi.ru. По итогам исследования сделан вывод о том, что интертекстуальные единицы требуют при переводе особенно тщательного подхода, так как в противном случае для читателя остается неясным истинный замысел автора, и воздействие текста значительно снижается.

Ключевые слова: интертекстуальность, политический дискурс, перевод, прагматический эффект.

The research looks into the phenomenon of intertextuality, a major contributor to the informational capacity of modern political discourse, which poses a particular difficulty for a translator. The article aims to demonstrate that a translation that disregards the intertextual potentialities of certain language means employed in the original text decreases its informative and emotive effects. The study involves a series of The Economist journalistic articles (2017) and their Russian translations published on the website inosmi.ru. The analysis shows that translating intertextual units calls for special consideration, for otherwise the translation fails to convey the original message, and its pragmatic effect is diluted.

Key words: intertextuality, political discourse, translation, pragmatic effect.

Общеизвестно, что перевод есть своего рода акт межъязыковой и межкультурной коммуникации, при которой происходит взаимодействие не только двух языковых кодов, но и соответствующих культур. Как справедливо указывает Юджин Найда, всякое вербальное сообщение интерпретируется с опорой на фоновую и прочую экстралингвистическую информацию или, иначе, на «многочисленные экстралингвистические коды», которые формируются, сохраняются и передаются в том или ином языковом сообществе [Nida 1991,

26]. Таким образом, проблемы перевода затрагивают не только его лингвистическую сторону, но и различные культурные аспекты. Причем речь здесь идет, поясняет Г. Д. Томахин, главным образом о необходимости учитывать особенности мировосприятия, речевого этикета, морально-эстетических норм, свойственные лингво-культурным общностям, соприкасающимся в ходе перевода [Томахин 1997, 130]. Иначе говоря, в задачи переводчика входит не просто передать смысл исходного текста на понятийном уровне, но и по возможности максимально точно отразить эмотивные, прагматические, эстетические и прочие его характеристики, во многом обусловленные соответствующей культурой. В частности, минимальным требованием, которое предъявляет Ю. Найда к адекватному переводу, является умение переводчика так передать содержание оригинального текста, чтобы его читатели могли «осознать и правильно оценить, *как его бы поняли и восприняли носители языка*» [Nida 1991, 26] (перевод и курсив наш – Е.Р.). Задача-максимум, по мнению ученого, – заставить человека, читающего перевод, среагировать на текст в эмоциональном и когнитивном плане так же, как это сделали бы носители языка [там же].

И именно здесь переводчик сталкивается с главной сложностью – необходимостью встать на позиции носителя языка и культуры перевода, будучи представителем иной лингвокультуры: «проникновение в содержание исходного текста и связанная с этим необходимость в декодировании его референциального и прагматического аспектов, опирающихся не только на языковую, но и на внеязыковую информацию, в том числе фоновую, всегда представляет собой сложную проблему» [Швейцер 1996, 84].

Вместе с тем, не стоит недооценивать значимость чисто языковой стороны переводческой деятельности, ибо именно язык на всех своих уровнях, и особенно через систему значений, коннотаций и образов, демонстрирует черты мировосприятия и интерпретации полученного знания о мире,

характерные для данного народа. То есть каждый национальный язык отражает определенную модель репрезентации мира, как бы пропущенную сквозь фильтр культуры.

Здесь важно подчеркнуть, что национально-культурная специфика каждого языка не сводится к наличию в его лексико-семантической системе так называемой безэквивалентной лексики, лакун и культурных реалий, которые, без всякого сомнения, представляют существенную трудность при переводе, но и предполагает, что даже за кажущимися эквивалентными языковыми единицами могут стоять разные структуры знаний, ассоциации и импликации, обусловленные культурой. Такие единицы несут в себе помимо собственно лексического значения еще и коннотативную и культурно значимую информацию, которая отражает определенные культурные коды, нормы и ценности, присущие данному народу. Необходимо учитывать, что подобные языковые средства, как правило, несколько иначе представляют описываемый фрагмент действительности, нежели соотносимые с ними единицы языка перевода.

Типичная ошибка при переводе предполагаемых «эквивалентов» заключается в том, что переводчик часто подключает свою систему знаний, ценностей и норм, забывая о возможных расхождениях. К примеру, русский фразеологизм *блудный сын* и его английский эквивалент *prodigal son* возникли как аллюзии на известную библейскую притчу и в целом означают идентичное понятие, но разнятся в части культурных коннотаций. Каждая из этих единиц сфокусирована на признаках, которые особенно значимы в соответствующей лингвокультуре, что находит отражение в семантике левого компонента. Так, компонент *блудный* русского оборота означает «заблудший». То есть в русском культурном пространстве *блудный сын* – это, прежде всего, человек, сбившийся с пути, что вызывает у русского человека не осуждение, а сопереживание. Английский оборот сфокусирован на признаке «расточительный» (*prodigal*), что

сурово осуждается в протестантской культуре и обуславливает отрицательную оценочность фразеологизма в целом.

Еще большую проблему при переводе создают имплицитные внутритекстовые связи некоторых языковых единиц, которые обладают аллюзийными или, иначе, интертекстуальными свойствами. Здесь следует пояснить, что в процессе линейного восприятия текста последовательность слов речевого потока подвергается осмыслению, в результате чего устанавливается «соответствие с внутренней системой знаний индивида» [Степанов]. Способность языковых единиц выстраивать «за текстом» вертикальный контекст, подключающий к ходу интерпретации этого текста релевантные экстралингвистические знания, в том числе за счет отсылки к иным культурно значимым текстам, получила название *интертекстуальности*.

Иными словами, интертекстуальность есть своего рода существование «текста в тексте» или «диалог между текстами» (в терминах М. М. Бахтина). Это способ построения авторского текста на основе поглощения и взаимопроникновения других, прецедентных, текстов, принадлежащих к различным временным слоям. С точки зрения способности к установлению интертекстуальных связей, обеспечивающих соприсутствие различных прецедентных текстов в рамках единого текстового пространства, единицы разных языковых уровней неодинаковы. К безусловно интертекстуальным знакам следует отнести антропонимы, восходящие к теологическим, мифологическим или литературным источникам (*Ирод, Хам, Аполлон, Отелло*), а также зоонимы (*медведь, свинья*), топонимы и другие единицы с символическим или аксиологическим значением (*Иерусалим, береза*), а также фразеологизмы, большая часть которых так или иначе служит отсылкой к определенному прецедентному тексту и создает приращение смысла во вновь создаваемом тексте (подробнее о свойстве интертекстуальности различных языковых средств см. [Рыжкина 2012]).

Передавая текст средствами другого языка, переводчик должен максимально точно донести до потенциального реципиента смысловое содержание, вложенное в оригинал его автором, в том числе посредством интертекстуальности. Это особенно важно в случае перевода политической статьи, где ввиду лаконичности изложения интертекстуальность играет особую роль, так что наиболее значимая информация нередко передается имплицитно, через подтекст. Это также объясняется необходимостью для автора соблюдать политкорректность и, кроме того, некоторыми прагматическими особенностями политического дискурса. Так, в прагматике политической статьи большую значимость имеет определенное воздействие на читателя. При этом авторы обычно предпочитают имплицитные способы влияния, что достигается с помощью зашифрованной во многих языковых средствах лингвокультурной информации и коннотаций. То есть зачастую за неким языковым явлением для представителей одной языковой культуры скрывается широкий образ, в то время как для иноязычных читателей это явление не несет никакого подтекстового смысла. Именно такие единицы текста представляют наибольшую трудность для переводчика.

Задача данного исследования – показать на примере статьи «Tag-team troubles. What America might want from Russia, but is unlikely to get. Vladimir Putin could do very well out of Donald Trump», опубликованной в журнале «Economist» от 11 февраля 2017 года, и ее русского перевода, как недостаточное внимание переводчика к интертекстуальности некоторых средств языка оригинала снижает информационную насыщенность переводного текста, делает замысел автора менее четко выраженным и, как следствие, снижает глубину воздействия статьи на читателя.

Прежде всего следует пояснить, что в переведенной на русский язык статье «Что Америка хотела бы, но вряд ли получит от России. Владимиру Путину Дональд Трамп мог бы быть очень выгоден» отсутствует первый из двух

заголовков: *Tag-team troubles*. Скорее всего переводчик намеренно отказывается от него, т.к. для русскоязычного читателя он не несет никакого особого смысла, в то время как его перевод был бы слишком громоздким для заголовка. Однако именно он является ключом к замыслу автора. Словарь Merriam-Webster's Collegiate Dictionary MWCD так объясняет значение композита *tag-team*:

1. a team of two or more professional wrestlers who spell each other during a match;

2. two or more people working in association toward the same goal [MWCD].

В русском языке не существует соотносимого наименования, это так называемая лакуна, т.е. пустое место в лексико-семантической системе языка, однако для англоязычного читателя за этим заголовком стоит определенный культурно значимый образ. Причем его трактовка неоднозначна: с одной стороны, для данного контекста наиболее актуально второе значение слова («команда из двух человек, работающих вместе на пути к одной цели»), но, с другой стороны, первое значение, относящееся к концепту борьбы, инициирует образ соревнования, указывает на то, что это объединение временное, поскольку в другой раз эти союзники могут стать соперниками. Примечательно, что в дальнейшем автор апеллирует именно к этому образу, уже прямо указывая на первое значение языковой единицы *tag-team*: *...an arrangement in which the two leaders indomitably face down all comers like some maverick geopolitical wrestling team*. В русской версии статьи данная фраза отсутствует, т.е. этого образа попросту нет. Следует отметить, что слово *team* повторяется в первой части статьи трижды: помимо вышеуказанного примера автор пишет: *Mr Trump's campaign team collaborated with Moscow*, а кроме того называет союз Путина и Трампа «*the putative tag team*». Поэтому мы можем говорить о том, что автор с помощью первого заголовка выстраивает расширенную метафору, которая, с его точки зрения, характеризует отношения американского и российского президентов.

Если в описанном выше случае переводчик попросту отказался от перевода труднообъяснимой русскоязычному читателю метафоры, то в случае с подзаголовком «*Buttering up the butcher*», наоборот, использован дословный перевод: «*Задобрить мясника*». На первый взгляд замысел автора в переводе не нарушен, т.к. слово *мясник* в русском языке также имеет второе, отрицательно коннотированное значение – «кровожадный человек», которое автор явно реализует в статье, прямо обвиняя президента РФ в «*indiscriminate bombardment and deliberate targeting of civilians*». В русском варианте это звучит как «*беспорядочные бомбардировки и нападения на гражданских лиц*», что несколько смягчает значение соответствующего фрагмента в оригинале, особенно пропуск слова *deliberately* (умышленно). Следовательно, в статье реализуется именно концепт жестокости, что звучит как явное преувеличение. Однако автор, вероятнее всего, использует слово *butcher* не только в значении «one that kills ruthlessly or brutally» [MWCD], но и в значении «one that bungles or botches», что подчеркивает мнение автора о «неаккуратном» ведении войны российским президентом. Но и это не единственная коннотация, которая просматривается в слове *butcher*. Чуть далее по тексту автор пишет о «нелепом сочетании путинской жестокости, цинизма и культурного прагматизма» («*Mr Putin's awkward mix of brutality, cynicism and cultural pragmatism*»), именно поэтому здесь представляется возможной аллюзия на имя, ставшее в английском языке нарицательным, *butch* – «notably or deliberately masculine in appearance or manner» [MWCD]. Мужественность – это как раз то, что раздражает западные СМИ в Путине: обвинения в показной брутальности в его адрес – довольно частое явление в западной прессе. В качестве примера можно привести статью «*Vladimir Putin's anointment as the planet's No1 hombre is jaw-dropping*» из газеты *Guardian* от 30.10.2013, где первое предложение полностью построено на игре слов, подчеркивающей излишнюю, по мнению автора, брутальность Путина: *For a self-styled man's man in a mean man's world, Forbes*

*magazine's decision to anoint Vladimir Putin as the planet's most powerful **hombre** risks raising his **notoriously volatile machismo** to bursting point.*

Таким образом, можно сделать вывод, что для англоязычного читателя подзаголовок «*Buttering up the butcher*» формирует глубоко негативный образ российского президента, причем достаточно четко обрисованный и имеющий подтверждение в тексте. В то же время в русском языке слово *мясник* не дает такого приращения информации, а потому замысел автора остается не раскрытым.

Все вышесказанное можно отнести и ко второму подзаголовку «*The bear's necessities*», в котором автор апеллирует к образу русского медведя. Для русскоязычного читателя за этим образом не просматривается ничего плохого: могучий и добродушный увалень-мишка скорее несет положительную коннотацию, чего совершенно нельзя сказать об интерпретации этого образа в западной культуре. Для англоязычного реципиента медведь – это негативный образ агрессора, что находит подтверждение в первом же абзаце: *He [Trump] mistakes the strut of a **bully** for the swagger of a superpower*, где *bully* согласно MWCD означает «one habitually cruel».

Особого рассмотрения заслуживает третья часть статьи, озаглавленная «*Remember the Decembrists*». Ее прочтение оставляет русскоязычного читателя в некотором недоумении. Автор пишет о том, что декабристы, как и революционеры чуть позже, вдохновлялись примером Америки, и даже приводит цитату И. В. Сталина, указывающую на то, что Америка была образцом и для него тоже. Несомненно, в России образ декабристов никак не ассоциируется с Америкой: например, для советского человека они символ идеалистичности. Можно предположить, что английский или американский обыватель вряд ли достаточно осведомлен о декабристах, а потому легко попадает в сети, расставленные журналистом. Только в одном абзаце Америка упоминается восемь раз в сочетании со словами, несущими крайне позитивную

коннотацию: *Soviet and Russia leaders... venerated America, its [America's] example encouraged rebels and idealists..., army officers... took inspiration from the Declaration of Independence..., America as a guiding star, to root out American books, music...* (американские книги и музыка как символ культуры и просвещения), *America's successes, America became an ideal*. Такая захватывающая дух концентрация положительных образов, присвоенных США, уравнивается прецедентным именем *Сталина*, «тирана и душителя свободы» для англоязычного читателя, а также названием нашей страны в прошлом – *Советского Союза*, которое прочно увязано в западном массовом сознании с такими метафорами, как *evil empire* («империя зла») или *axis of evil* («ось зла»). А то, что для автора статьи Россия, безусловно, является правопреемницей СССР, следует, к примеру, из его фразы *Soviet and Russian leaders* – российские и советские лидеры стоят в одном ряду. То есть в картине мира, отраженной в англоязычной статье, недвусмысленно обозначены два полюса: Америка и Россия.

Следует еще раз подчеркнуть, что имя Сталина на Западе имеет исключительно отрицательную коннотацию (в отличие от России, где сталинская эпоха ассоциируется не только с репрессиями, но и с промышленным скачком СССР, победой во второй Мировой войне, расцветом науки и искусства и т.д.). То есть для русскоязычного читателя этот образ не несет глубоко отрицательной коннотации, а бывший СССР и подавно не вызывает негативного чувства, скорее ностальгию и грусть. Именно поэтому переводная статья остается непонятой: замысел автора затемнен, хотя перевод очень близок к оригиналу и абсолютно верен в чисто лингвистическом плане. Можно сказать, что русскоязычный текст, не учитывающий некоторых важных интертекстуальных связей, на которых зиждется актуальный смысл исходного текста, почти полностью утратил «дух оригинала». И причина этого заключается в разнице лингвокультурных коннотаций, закодированных в

упомянутых выше интертекстуальных знаках. Из-за отсутствия аналогичных коннотаций в русской лингвокультуре, в частности, в заключительной части переведенной статьи не выстраивается полярная модель, где одна страна – абсолютное зло, а другая – светоч демократии и источник благ, из чего следует мысль автора о том, что прочный союз лидеров этих держав в принципе невозможен.

Поскольку цель политического дискурса – это прежде всего оказание влияния на реципиента, формирование у него определенного мнения, авторы зачастую прибегают к апелляции к эмоциональной и/или этической сфере потенциального читателя, что обычно осуществляется имплицитно – через культурно значимые образы и ассоциации, а также коннотации, зашифрованные в языковых знаках, таких как прецедентные имена/наименования или эмотивно-оценочные единицы. Вследствие того, что это воздействие рассчитано на носителей конкретной языковой картины мира, при переводе замысел автора может нарушиться, и тогда степень влияния текста на реципиента значительно снижается, а цель автора остается недостигнутой.

Литература:

1. Рыжкина Е. В. Интертекстуальность фразеологизмов, образованных по аналогии, в современном английском языке // Язык в действии: актуальные проблемы и методы исследования в англистике. Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – Вып. 21 (654) (Языкознание). – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. С. 154–162.
2. Степанов Ю. С. «Интертекст» – среда обитания культурных концептов (к основаниям сравнительной концептологии). – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov1.htm>
3. Томахин Г. Д. Перевод как межкультурная коммуникация // Перевод и коммуникация. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. С. 129-137.

4. Швейцер А. Д. Основные проблемы обучения переводу с русского языка на иностранный // Актуальные проблемы преподавания перевода и иностранных языков в лингвистическом вузе. Сб. науч. тр. МГЛУ. Вып. 423. – М., 1996. С. 84-92.
5. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary (MWCD). 11th Edition. Merriam-Webster, Inc., 2012.
6. Nida, Eugene. Theories of Translation // Languages and Cultures in Translation Theories. Volume 4, n. 1, 1991, p. 19-32. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://docslide.us/documents/eugene-nida-theories-of-translation.html>